

Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI — начало XVII в.)

В.Н. Козулин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Origins of Russian-French Relations and Russians' First Impressions of France (Late 16th — Early 17th Centuries)

V.N. Kozulin

Altai State University (Barnaul, Russia)

На основании анализа разнообразных французских и русских источников рассматривается первоначальный период в истории русско-французских отношений. Значительное внимание уделяется имагологическому аспекту этой темы — проблеме восприятия Франции русскими людьми того времени. В таком аспекте эта тема исследована очень слабо (гораздо больше существует исследований по русско-английским и другим русско-европейским связям в ту же эпоху). Большое внимание уделяется материалам посольства И. Кондырева и М. Неверова во Францию (1615 г.).

Один из главных выводов состоит в том, что восприятие русскими Франции в рассмотренный период было в значительной степени объективным, лишенным явных стереотипов или предубеждений. Встречающиеся в описаниях неточности вызваны недостатком знаний и общей непросвещенностью, в частности языковыми трудностями. То же самое мы можем утверждать и применительно к восприятию французами России в этот период, которое тоже в целом представляется достаточно естественным и объективным, во всяком случае, именно такое отношение в источниках встречается гораздо чаще, чем спекуляции на образе «варваров».

Ключевые слова: национальный образ, историческая имагология, русско-французские связи, история дипломатии.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-13

Настоящей статьёй мы продолжаем цикл публикаций, посвященных сближению допетровской России со странами Западной Европы и формированию взаимных представлений русских и запад-

Based on the analysis of a variety of French and Russian sources, the article examines the initial period in the history of Russian-French relations. Considerable attention is paid to the imagological aspect of the topic — the problem of Russian perceptions of France at that time. In this aspect the topic is not very well studied (there are much more studies on the Russian-English and other Russian-European relations at the same era). Much attention is paid to the materials of I. Kondyrev's and M. Neverov's embassy to France (1615).

One of the main conclusions is that Russian perception of France in the researched period was largely objective, devoid of obvious stereotypes or prejudices. Inaccuracies in the descriptions arise due to lack of knowledge and general incompetence, in particular, language difficulties. The same can be said about the French perception of the Russians in that period, which on the whole seems quite natural and objective, in any case, such an attitude in the sources is much more common than speculations on the image of the “barbarians”.

Key words: national images, historical imagology, Russian-French relations, diplomatic history.

ноевропейцев [1–3]. Тема этой статьи, как и предыдущих, лежит на стыке традиционной истории международных отношений и все более набирающего вес в современной гуманитарной науке направ-

ления имагологии (специализирующегося на изучении образов, представлений народов друг о друге). Исторический аспект этой проблемы, т. е. формирование этнических представлений в различные исторические периоды, изучает так называемая историческая имагология [3, с. 93, прим. 1–2].

Проблема становления отношений России и Франции в допетровский период исследована не так хорошо, как проблема становления русско-английских отношений. В еще большей степени это касается проблемы взаимного восприятия русских и французов в те времена. Большинство исследований затрагивают более поздний период [4–11]. Интересующая нас первоначальная эпоха в истории русско-французских отношений наиболее подробно освещена в VIII книге «Собрания инструкций, данных французским посланникам и министрам, от Вестфальского мира до Французской революции», составленной известным французским историком Альфредом Рамбо [12, р. 9–90] (и в его статье, опубликованной в том же году [13]). В «Собрании...» приведены (полностью или во фрагментах) сохранившиеся в архивах французского министерства иностранных дел французские источники. Еще ранее некоторые из этих французских документов были изданы в переводе на русский язык в томе XXXIV «Сборника Императорского Русского исторического общества» [14]. Многие эти и другие документы, касающиеся самого раннего периода истории русско-французских отношений, опубликовал в приложении к первому тому французского издания «Несторовой летописи» французский ученый библиотекарь Луи Парис еще в 1834 г. [15, р. 299–443]. Основные русские источники, которые составляют 15 «посольских книг» фонда № 93 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) [16, с. 352], к сожалению, до сих пор не опубликованы. На сегодняшний день изданы лишь отдельные статейные списки (отчеты) русских послов во Франции — И.Г. Кондырева (1615–1616 гг.) [17; 18] и П.И. Потемкина (1668 г.) [19, с. 360–564; 20, с. 227–315, 426–441].

Специальных исследований по нашей теме крайне мало, она затрагивается по большей части в общих трудах по истории русско-французских отношений, в основном уже довольно старых [21, с. 78–115, 261–262; 22, с. 3–25; 23, с. 1–32; 24, с. I–LII; 25, р. 1–10; 26, с. 12–25; 27–31]. Это объясняется отчасти более скудными материалами. В отличие от англичан, завязавших с нашей страной бурные торговые и дипломатические связи еще со времен Ивана Грозного, французы были совсем не частыми гостями на русской земле, точно так же, как и русские — на французской. Французский язык был совершенно неведом русским дипломатам, пожалуй, вплоть до петровских времен. Как отмечал известный специалист по истории международных связей

России Ф.Ф. Мартенс, долгое время «не было положительно никаких причин» для сближения обоих государств. По его словам, «на истории их первоначальных сношений вполне можно убедиться в неопровержимости той истины, что международные сношения являются неизбежным последствием естественных условий, в которых находятся народы в данную эпоху их жизни».

Действительно, Франция и Россия не только были географически далеко расположены друг от друга и между ними находилось много разных стран, но и, продолжая цитировать Ф.Ф. Мартенса, «политические интересы России и Франции совершенно не сходились между собою в XVI и XVII веках: друзья Франции были заклятыми врагами России, и наоборот, естественные враги Франции были ближайшими друзьями Московского государства» (имеются в виду, с одной стороны, Османская империя, Польша и Швеция, бывшие традиционными союзниками Франции, и, с другой стороны, «Священная Римская империя» Габсбургов, являвшаяся ее врагом и другом России) ([24, с. III–V]; ср.: [32, с. III; 33, с. 339–340]).

Между тем в 70-х гг. XVI в. гугенот Юбер Ланге, отправленный своими единоверцами к немецким князьям, услышал в Дрездене о восходящем могуществе Московского государства после недавнего завоевания Иваном Грозным Ливонии. Дипломат писал по этому поводу: «Если какой-то новой силе суждено возвыситься в Европе, это — московской» [25, с. 2]. О важности торговли с Россией писал в своей депеше от 23 марта 1575 г. к французскому королю Генриху III его посол в Копенгагене Шарль Данзей (Danzay). По его словам, только обеспечив себя такими же льготами, какими пользовались англичане, «французские купцы могут быть покойны насчет своих дел», «ибо с москвитами плохо шутить» ([15, р. 330–380]; cf. [12, р. 10–11; 22, с. 4–5]).

Очевидно, следуя этому совету, в 80-х гг. XVI в. в Париже организовалась компания французских купцов с целью открыть торговлю с Россией. Трое из них, Жан Соваж и его компаньоны Кола (Colas) и дю Ненель, посетили в 1586 г. Холмогоры и Архангельск, где были любезно приняты архангельским воеводой, который угостил их, по русскому обычаю, такой крепкой водкой (eau de vie), что она, по словам французов, обожгла им все внутренности (qui est si forte, qu'on a le ventre tout en feu), причем после трех изрядных кубков им пришлось пить еще за здоровье государя (à la santé de votre Roi) — от чего никак нельзя было отказаться. Французскими купцами было привезено дружественное письмо от короля Генриха III, по просьбе которого им было разрешено торговать у Кольской пристани, несмотря на противодействия англичан ([15, р. 381–396], cf. [12, р. 11, 13–16; 25, с. 3]).

Любопытное свидетельство мы находим в одном прошении французских купцов, адресованном кардиналу Ришелье (1628 г.), в котором говорится, что якобы «около шестидесяти лет вся торговля в Московии была в руках французов, но частые войны и перевороты, начавшиеся с тех времен, заставили их свернуть эту торговлю» [12, р. 11; 22–23]. То же самое утверждал и вышеупомянутый Ш. Данзей в письме к министру и советнику короля К. Пинару 12 апреля 1575 г., рассказывая, что, поскольку шведы оказались плохими купцами, главная выгода от торговли с Московским государством перешла к французам ([15, р. 363]; cf. [12, р. 11]).

Первые известия о русских землях на французском языке относятся еще к началу XV в. Мы имеем в виду сочинение фламандского рыцаря Жильбера де Ланнуа (Ланноа), описавшего Великий Новгород, Псков и некоторые русские земли в составе Польско-Литовского государства [34–36; ср.: 37]. Но это было скорее случайным фактом. Следующий французский источник относится уже только к концу XVI столетия: это краткая записка о пребывании в Архангельске вышеупомянутого Ж. Саважа (1586 г.).

Первой «фундаментальной» книгой о России, в которой описывались не отдельные города, но и сама столица и государство в целом, стало сочинение капитана Жака Маржерета, служившего наемником в России во время Смуты (оно увидело свет в 1607 г.) [38]. Четырьмя годами позже, в 1611 г. появилось сочинение еще одного наемника, служившего в России в эти времена, Пьера де Лавилля, но оно не было таким основательным ([15, р. 404–428]; cf. [12, р. 13]). Сочинение Маржерета «Состояние Российской империи», безусловно, является весьма ценным и содержательным источником по истории России и русской культуры допетровского времени. Впрочем, формирование представлений французов о России в это время — отдельная большая тема, и если мы и будем ее здесь затрагивать, то лишь в той мере, в какой это связано со становлением взаимоотношений.

Помимо этих сочинений непосредственных очевидцев Московское государство и его народ неоднократно упоминаются у разных французских писателей XVI — начала XVII в. Известный писатель Франсуа Рабле ставил московитов в один ряд с «безбожными турками, евреями, татарами, мамелюками и саррабовитами», а также с «индейцами, персами и троглодитами». Но при этом он упоминал и о мощи московской армии, составляющей «четыреста пятьдесят тысяч отборных бойцов», готовых все как один стать под знамена по «краткому, но грозному указу» ([39, с. 107, 513]; ср.: [40, р. 9–26; 41, с. 43]).

О Московии и московитах не раз упоминали известные философы Жан Боден и Мишель Монтень. Боден был хорошо знаком с известным немецким сочинением С. фон Герберштейна «Записки

о Московии» и часто на него ссылался. Московское государство философ причислял к тираническим и, цитируя Герберштейна, замечал, что подданные там зовутся холопами, что можно перевести как «рабы» [42, р. 235, 256]. Боден постоянно подчеркивал также мысль о том, что русский царь как суверен занимает наивысшую ступень среди европейских государей [42, р. 256, 484]. Один немецкий исследователь предположил даже, что Боден был первым европейским мыслителем, уяснившим особое значение России [43, с. 335]. В труде Монтеня московиты упоминаются только в одной главе и, почти так же, как у Рабле, они стоят там в одном ряду с турками и татарами (когда, например, говорится о пристрастии всех этих трех народов в равной мере к питью подсолненной лошадиной крови). Монтень пересказывает заимствованный им, по-видимому, из «Истории польских королей» Яна Гербурта (во французском переводе) исторический анекдот об одном унижительном обряде, которому подвергали татары московского великого князя ([44, с. 262–263; 45, р. 394–395, note 18]; ср.: [40, р. 27–42]).

Наконец, следует отметить довольно подробный очерк истории Московского государства во «Всеобщей истории» французского историка и государственного деятеля конца XVI — начала XVII в. Жака де Ту. Источниками его сведений о России были главным образом польские и литовские авторы, Маржерет, а также главы посещавших ее дипломатических миссий. Любопытным является в этом сочинении положительный штрих в образе Ивана Грозного, о котором автор говорит, что он не вполне справедливо «ославлен своими жестокостями» и что «нет государя, которого бы более любили, которому бы служили более ревностно и верно. Добрые государи, которые обращаются со своими подданными мягко и человечно, не встречают более чистой привязанности, чем он». Де Ту восхищается также «изумительной военной системой московской державы» и «необычайным послушанием воинства» ([46, р. 266–292]; цит. по: [47, с. 107]).

До Московского государства первые известия о Франции, по всей видимости, доходят в начале XVI в. Сохранились сведения, что в 1518 и 1519 гг. великий князь Василий III писал к французскому королю Франциску I, по просьбе бранденбургского курфюрста Альбрехта, уведомляя о заключении с последним союза против Польши и прося оказать курфюрсту всяческое содействие. Эти грамоты были написаны по-русски и по-немецки и переданы через бранденбургского посла [21, с. 78, прим.]. Известно также, что ко двору Франциска I из Дании в то время посылались борзые собаки русской породы и соколы [22, с. 4, прим.].

Ко временам Ивана Грозного накопилось уже немало материалов, касающихся отношений с Францией.

В описи царского архива этих времен отмечено: «Ящик 199. А в нем книги цесаревых послов и французского» [22, с. 5, прим.]. Иван Грозный был одним из соперников герцога Анжуйского Генриха Валуа (брата французского короля Карла IX) на выборах польского короля 1573 г. Как известно, царь проиграл тогда своему конкуренту, и королем был избран французский герцог, пробывший польским королем всего два года и после этого вернувшийся на родину, чтобы занять оказавшийся вакантным французский трон.

В это время император Священной Римской империи Максимилиан, сын которого эрцгерцог Эрнст тоже был одним из претендентов на польский престол, предлагал Ивану Грозному разделить Польско-Литовское государство на две части между Империей и Россией, осуждал Францию за ее давнюю приверженность Османской Порте «во вред христианским государям» и высказывал негодование против тогдашнего французского короля, брата их общего соперника Генриха Анжуйского Карла IX, который устроил Варфоломеевскую ночь в Париже: «заманил к себе обманом зятя своего, Наваррского короля Генриха, лишил его свободы и приказал, в день святого Варфоломея, иноверцев, во Франции живущих, числом до ста тысяч, не щадя ни жен, ни младенцев, предать смерти». Иван Грозный в ответной грамоте во всем соглашался с Максимилианом и, как это ни лицемерно звучит из уст этого царя, также осуждал варфоломеевскую резню, замечая в заключительной части своего послания: «А что ты, брат наш дражайший, скорбишь о том, что учинилось у французского короля, и о том крестьянским государям пригоже скорбети, что такое бесчеловечество король над толиким народом учинил и кровь толикую без ума пролил» ([48, с. 18–19], cf. [22, р. 376–377; 25, р. 2]).

Переходя к истории дипломатических отношений России и Франции, заметим, что в настоящей статье мы намерены осветить только самый ранний период, ограничивающийся временем первого русского по-

сольства во Францию (1615 г.). Альфред Рамбо в предисловии к изданию документов французского министерства иностранных дел, касающихся отношений с Россией, полагал, что первый период в истории этих отношений завершается 1654 г. — моментом объявления царем Алексеем Михайловичем войны Польше. По словам А. Рамбо, этот период характеризуется отсутствием какого-либо политического интереса к России со стороны Франции, а наличием лишь некоторого торгового интереса. Вплоть до 1654 г. Россия для французов была исключительно «Московией»: «изолированная в течение долгого времени от Европы, подобно Испании XIII–XV веков... она казалась совсем не европейской страной... Московит имел совершенный вид турка — по своему костюму, длинным, не приталенным платьям, по своей длинной бороде и пожизненно несменяемой прическе на голове. Московия ничего общего не имела с Европой, кроме христианства, да и то эта форма христианства признавалась у нас схизматической и потому считалась тогда более низкой, почти что варварской» ([12, р. V–X]; ср.: [49, р. 108]; [26, с. 21]; [28, р. 235]).

В «Великом замысле» (или проекте) герцога Сюлли (фактического главы правительства при короле Генрихе IV), посвященном созданию союза европейских государств под эгидой Франции, идею которого автор приписывает самому королю, о Московии, или «Великой России», говорится следующее: «Эти огромные земли, имеющие не менее шестисот лье в длину и четырехсот в ширину, населены в значительной части идолопоклонниками, в меньшей части — схизматиками, как греки или армяне, но с тысячью суеверных обычаев, которые лишают их почти всякого сходства с нами. Помимо этого они принадлежат Азии столько же, сколько и Европе, и их следует рассматривать почти совершенно как варварскую страну и относить к тому же роду, что и Турцию, хотя уже пятьсот лет мы числим их среди христианских держав».

Рис. 1. Русское посольство З.И. Сугорского к императору Священной Римской империи Максимилиану II в Регенсбурге, 1576 г. Раскрашенная гравюра

Несмотря на это, Сюлли не исключал вхождения Московии в планируемую ассоциацию государств Европы, при этом отмечая, что «если великий князь Московский, или царь России, который, как говорят, был древним князем (knés) Скифии, откажется войти в ассоциацию после того, как это будет ему предложено, с ним следует обращаться как с турецким султаном — лишить его владений в Европе и отодвинуть в Азию, где он мог бы, без нашего вмешательства, столько, сколько ему будет угодно, продолжать войну, которую постоянно ведет против персов и турок» ([50, р. 247–251]; ср.: [49, р. 104–113; 26, с. 17–18; 51, с. 99–100]).

Началом дипломатических отношений Франции и России, согласно французским источникам, можно считать посольство Франсуа де Карля 1586 г., вызванное письмом царя Федора Иоанновича к королю Генриху III от октября того же года, которое было отправлено из Москвы с неким французом Пьером Рагоном и в котором царь извещал о своем вступлении на престол и высказывал готовность поддерживать дружеские и торговые сношения между Россией и Францией ([12, р. 13–15]; [15, р. 381–384]; ср.: [26, с. 18, 292, прим. 1]). Однако, как замечает Ф.Ф. Мартенс, в архивах российского министерства иностранных дел (теперь соответственно в РГАДА) отсутствуют копии этих документов. И по крайней мере один из французских документов, по мнению ученого, является подложным. Это так называемый «коммерческий трактат», заключенный между царем и парижскими торговцами, датированный мартом 1587 г., которым царь якобы предоставляет парижским купцам торговую привилегию, предусматривавшую выплату лишь половины пошлин, взимаемых с других иностранцев, и разрешает торговать во многих русских городах, в том числе в Москве, на том основании, что это были «первые французы, дерзнувшие прибыть в Архангельск для торговли с нашей страной» ([12, с. 15–16], ср.: [22, с. 5]). По словам Мартенса, «трудно себе представить возможность заключения такого международного акта между московским царем, с одной стороны, и парижскими купцами, с другой. Ни внутреннее положение Франции в конце XVI века, ни взгляды и обычаи московского правительства того времени не могут объяснить происхождения подобного коммерческого трактата» [24, с. XI].

Следующий французский король Генрих IV (уже упоминавшийся выше) вел переписку с царями Федором Иоанновичем и Василием Шуйским. Из этой переписки сохранились два письма (в литературе встречаются упоминания о трех письмах, но А.Е. Рогинская в комментариях к русскому изданию монографии К. де Грюнвальда доказывает, что их на самом деле было два [26, с. 292–293, прим. 2]). В письме к царю Федору (1595 г.) ко-

роль просил об отпуске из Москвы к родственникам, служившим при французском дворе, доктора Поля, уроженца Милана (обещая прислать взамен другого врача) и о разрешении на торговлю нидерландскому купцу Мишелю Мусерону, отправлявшемуся в Россию по поручению французских купцов [12, р. 16–18; 15, р. 310–311, 327–328; 24, с. XI]. А в письме к Василию Шуйскому (1607 г.) Генрих IV рекомендует Бертрана де Кассанса, купца из Ла-Рошели, у которого Лжедмитрий брал в долг три тысячи рублей на покупку драгоценностей [13, р. 471]. Лжедмитрий, кстати, по утверждению Маржерета, весьма симпатизировал Франции и даже намеревался лично в августе 1606 г. «плыть с английскими кораблями во Францию, дабы приветствовать Христианнейшего короля и завязать отношения с ним» [39, с. 173].

Первым царем, начавшим устанавливать культурные связи с Францией, был Борис Годунов, который отправил 18 русских юношей учиться за границу, в том числе во Францию. К сожалению, вплоть до петровских времен это остается единственным известным примером такого рода контактов. Из всех посланных юношей только один вернулся назад в Россию, как сообщал Конрад Буссон в своей «Московской хронике» [22, с. 7; 52, с. 275; 53].

Первое русское посольство во Францию состоялось в 1615 г., с целью известить французского короля об избрании Михаила Федоровича Романова на российский престол. Подобные извещения были в традициях тогдашней русской дипломатии. Главой этого посольства был назначен Иван Гаврилович Кондырев, а при нем состояли подьячий Михаил Неверов и другие. Новый царь вспоминал «деда своего (sic!) великого государя нашего царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца», который имел «с прежним государем вашим, з Гендриком королем братственную любовь и ссылку», предлагал установить дипломатические и торговые отношения между двумя странами и прислать для этого в Россию своих послов, а также просил французского короля, чтобы он запретил французским «воинским людям» поступать на службу к недругам России и воевать против нее.

Русское посольство отправилось в путь из Холмогор 30 августа 1615 г. на голландском судне и первоначально прибыло в Голландию (куда оно имело такое же поручение, как и во Францию). Во время пребывания в Гааге послы интересовались состоянием дел во Франции и местом нахождения короля. Дело в том, что во Франции в это время шла гражданская война. Воспользовавшись малолетством короля (ему во время этого посольства едва исполнилось 14 лет), феодальная аристократия во главе с принцем Конде выступила против регентши Марии Медичи и пыталась захватить власть в стране. Король

и королевский двор с октября 1615 г. находились в Бордо, где были заключены так называемые «испанские браки»: Людовик женился на испанской принцессе Анне, а его сестра Елизавета была отдана замуж за испанского инфанта (см.: [54, с. 200–201]). В статейном списке посольства Кондырева говорится по этому поводу следующее: «И статьи (голландские власти, Республика. — *В.К.*) сказали: „В Парисе [Париже] меньшей королевич, и владеют всем перлементи [Парижский парламент], а не помогают ни королю, ни Кундею [Конде]“...». Затем «статы из собрания от себя прислали весте...», что король в Бардиусе [Бордо], а в Парис ему не бывать вся зима. И Иван и Михайло... к статом посылали, чтоб они их велели отпустить в Бардиус» [18, с. 178–179].

10 декабря посольство прибыло в устье р. Гаронны, а 11 декабря они уже «приехали во Францовскую землю под город Бардиус и посылали с карабля в город перевотчиков к королевским думным людем. И велели говорити, что присланы от великого государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии самодержца к великому государю их, Лодвику королю, посланники для их великих государственных дел... И они бы, думные люди, про них государю своему сказали и прислали их встретить и двор и корм велели дати по посольскому обычаю».

Встретили посольство достаточно почетно: «того ж дни в час ночи приехал от короля навстречу на берег х караблю в трех восках [возках] королевской барун морсор де Буйнил [барон де Боневиль], да с ним королевских три конты, по-русски князи, — конт де Ампере, конт де Нантулие, конт Синт-Аньян [граф Сент-Эньян]. Да за восками ж пеших человек з дватцать да восемь свеч витых. А в восках было по четыре лошади, — в первом воску лошади серые, а воски подбиты бархаты червчатым да зеленым, а по бархату шито золотом». Что касается содержания посольства, оно на протяжении всего его пребывания оставляло желать лучшего. Послы постоянно сетовали на недостаток «корма»:

«...и корму принесли скудно добре, с нуждою на пять человек на день... А того корму што ты принес, нечево не токмо что нам всем, и перевотчику тем одному пронятца нечем... И клюшник промолчал, ничево не говорил, а приносили корму по тому ж всего шесть ден, а после того и того не приносили» [18, с. 180–183].

Послы постоянно настаивали на личной аудиенции у короля, потому что того требовал русский посольский обычай. Барон де Боневиль пытался разубедить их в этом, ссылаясь на то, что «государь наш король еще молод, а люди государства его ныне в смуте... А шо вам ему, государю, на посольстве речью и говорить, и он, государь, еще молод, государственных дел не делает, и после вам то з ближними людьми говорить же, только то сведают неприятели его». Но послы все же настояли на своем и 14 декабря они были приняты королем, королевой-матерью (Марией Медичи) и молодой королевой Анной Австрийской.

Вот как описывается эта аудиенция в статейном списке: «А по королевскому двору стояли салдаты с мушкеты. А в сенех и по леснице гарды [гвардейцы] королевские с протазаны, платье на них бархат лазорев, шито серебром и зделано как латы, протазаны навожены золотом, кисти шелк лазорев да червчат с серебром. А сказывают, их 400 человек, а всей королевской дворовой гарды 3000 человек. А как в полату, в которой были на посольстве, вошли, и в полате у дверей встретил от короля всей гарды королевские капитон. А встретья, остався, пошел с левую руку у Ивана поперед Михайла, сняв шляпу. И Ивану и Михайлу говорил, чтоб они шапки сняли и королю поклонились... И Иван правил от государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии поклон, покаместа государево имя говорил, без шапок стояли Иван и Михайло. И против был государева поклона король усидел, и Иван о том королю по наказу говорил. И король тотчас встал, а ближней человек Пизиус [государственный секретарь маркиз де Пюизье] о том говорил с великим умаленьем, чтоб

Рис. 2. Вид г. Бордо в XVII в. Старинная гравюра

в том на государя их, короля, дива не учинить, потому что дитя, посольственные дела ему еще не за обычай. И он то, государь, учинил никак не хитростью, а государя вашего братству и любви государь их рад..., а нечести ни в чом показать государь наш государю вашему не хочет. И с тех мест и до отпуску король все стоял без шляпы. А грамоту принял и держал любительно сам король, а никому не отдал».

Среди других интересных подробностей аудиенции отмечается, что «на посольстве перед королем стояли с правую руку рацер сакратарь де тат (d'état) Пизиус, а налево от короля стоял дюк де Немур гертох [Генрих Немур, герцог Савойский]... А место, где король сидел, вшот в полату против дверей к задней стене зделана дымная труба, где кладут огонь. А по прави меж стены и трубы зделан рундук [возвышение] вверх три ступени. А посреди рундука к задней стене поставлен стул королевской, а с правую руку у короля стул задом к трубе королевы матери, а с левую руку у короля стул к сторонней стене королевы его. Да на рундуке ж стояли блиско х королеве матере Пизиус, а по левую руку дюк де Немур, да за ним блиско королевы молодой жонки да девки. А людей полата полна, а все стояли, ниhto не сидел». Закончилась аудиенция раздачей традиционных посольских даров от имени царя: «И после того пожаловал король и королева мать и королева молодая к руке. А быв у руки, Иван велел королю сказать подарки, челом бьет от себя сорок соболей да лисицу черну, а королеве матере сорок соболей. И король и королева велели подарки поднести к себе Ивану самому и приняли у Ивана сами ж, а приняв, смотрели и почали быть весели и сказали: помози Бог» [18, с. 184–186].

В заключительной части статейного списка содержится перечень наиболее знатных французских родов, начиная с принца Конде, описание взаимоотношений Франции с разными странами, а также краткий очерк ее истории последних лет, в котором упоминается, между прочим, о трагической смерти Генриха II, которому «в Парисе на игре выкололи копьем глаз, и оттого французского Ендрикуса короля не стало», о приходе к власти принца Наваррского — Генриха IV и о последующем его убийстве (как сказано в статейном списке, семь лет назад, хотя на самом деле король был убит в 1610 г.). Любопытно описание его вдовы Марии Медичи, королевы-матери, которую русские послы видели лично: «А имя королеве Марья де Медис, лет побольши тритцати, ростом велика, долголика, бела, нос прям, очи исчерна кари. А дочь де гертоха Фларенция, а нынешняго де папы племянница. А бывали де они дохторского родства, и ныне де королева герб носит дохторской» [18, с. 196]. В этом кратком очерке в конце статейного списка нашли свое отражение и традиционные интриги, измены во французском королевском дворе, упоминаются, в частности, внебрачные дети Генриха IV.

Послам не удалось получить от короля еще одной, «отпускной» аудиенции, так как «на королевском де дворе великая смута учинилася, пригнал гонец ис полков, что послан был от короля против Кундея князя дюк дю Гвиз [герцог Гиз, губернатор Прованса], а с ним было 12 000 людей, и тех де людей Кундея побил, а хочет итти по обе стороны реки к Бардиусу и хочет короля осадить» [18, с. 189]. Послам была передана ответная королевская грамота царю, от 16 декабря 1615 г., в которой он именуется «Migala Feudorovitz» (v. [12, p. 19–20]), но самое главное, из-за чего разгорелся целый скандал, — это неполное перечисление в ней царских титулов. Французы пытались было оправдаться тем, что у них не принято перечислять подробно все титулы государя и король обычно подписывается только одним своим именем, но русские непреклонно требовали исполнения своего этикета, поэтому пришлось надписывать сверху над строками грамоты все недостающие титулы.

Как отмечает в предисловии к изданию статейного списка Кондырева и Неверова автор этой публикации Т.А. Лаптева, «первый статейный список посольства во Францию важен не только для освещения истории русско-французских отношений... В документе описываются международные связи Франции и положение в Европе в целом, дается достаточно верная и беспристрастная характеристика событий... Все французские термины посланники стараются перевести на русский язык (так, принцев они называют удельными князьями), однако им не всегда хватает слов — непереводаемыми оказываются такие понятия, как первый маршал Франции, государственный секретарь, канцлер, секретарь, парламент, гвардия. Эти иностранные слова в XVII в. только начали входить в состав русского языка» [18, с. 173].

Если верить статейному списку, ответное французское посольство в Россию планировалось отправить вслед за русским, и его даже высказывал горячее желание возглавить приставленный к послам барон де Боневиль. Однако в силу разных обстоятельств, и прежде всего потому, что Россия в политическом отношении мало тогда интересовала Францию, это посольство состоялось только спустя 14 лет, в 1629 г.

Подводя итоги сказанному, мы можем сделать несколько определенных выводов. Хотя Россия в рассмотренный период представляла для Франции, как и для большинства других западноевропейских государств, незначительный (и почти исключительно торговый) интерес, сама она начинала проявлять все больший интерес к Западной Европе. Московские послы все чаще стали появляться в отдаленных от России европейских странах, таких, в частности, как Англия, Испания и Франция. Это соответствовало данному историческому этапу расширения и уси-

ления Российского государства, стремившегося укрепить свой авторитет на международной арене.

Несмотря на то, что русские зачастую воспринимались в Западной Европе как полуазиатские варвары, и несмотря на многие объективные трудности, включая незнание языков, русские послы, как это видно из источников, совсем не терялись за рубежом и с достоинством отстаивали честь своей страны и своего государя, как они тогда это понимали.

На основании анализа имеющихся источников можно сделать также вывод об отсутствии еще в эту эпоху у русских каких-либо серьезных предубеждений, сформировавшихся стереотипов в отношении Франции и французов. Описания их в целом вполне объективны, а встречающиеся неточности вызваны, очевидно, лишь слабыми знаниями о предмете, языковыми трудностями и общим недостатком просвещенности. Довольно объективно, на уровне своего понимания и познаний, изложена в посольских записках история и современная политика Франции, скрупулезно, как это всегда было характерно для русских дипломатов тех времен, переданы все подробности церемониала, мельчайшие детали королевской аудиенции.

Пожалуй, такая же объективность в оценках русских была характерна в целом в тот период и для фран-

цузов, если, конечно, не считать некоторых анекдотических стереотипов у малоознакомых с Россией писателей (в раблезианском духе). Очевидцы же, вроде купца де Саважа или капитана Маржерета, воспринимали русских скорее такими, какие они есть, не стараясь что-то особенно приукрасить или существенно исказить.

Незначительную роль стереотипов в отношениях двух народов, вероятно, можно объяснить и тем, что у них не было еще в те времена сложных политических взаимосвязей и вообще большого исторического опыта контактов. И это способствовало более беспристрастному взгляду. Единственным, что все-таки мешало ему, была существенная разница культур, делавшая иногда русских «варварами» в глазах западноевропейцев и, наоборот, приводившая в восторг некоторых наивных русских, впервые оказавшихся в Западной Европе (как мы это знаем на примерах описаний Англии). Но Франция начала XVII в., как можно судить из источников, вовсе не ослепила тогда русских блеском своей культуры, напротив, ими были отмечены даже некоторые ее недостатки (с точки зрения русских дипломатов), как, например, крайне скромное содержание посольства французской стороной. В общем же и целом Франция того времени была оценена ими вполне достоверно и объективно.

Библиографический список

1. Козулин В.Н. Англия начала XVII века глазами русских // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2015. — №4/1.
2. Козулин В.Н. Революционная Англия и царская Россия в середине XVII в.: их отношения и восприятие Англии и англичан в этот период русскими дипломатами и правящей элитой // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2015. — №3/2.
3. Козулин В.Н. Англия в эпоху революции середины XVII в. глазами русских // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2015. — №4/2.
4. Вольтер и Россия / под ред. А.Д. Михайлова, А.Ф. Строева. — М., 1999.
5. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. — Саратов, 2003.
6. Мезин С.А. Петр I во Франции. — М., 2015.
7. Россия и Франция. XVIII–XX века / отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. I–XI. — М., 1995–2014.
8. Строев А.Ф. Война перьев: французские шпионы в России во второй половине XVIII века // Логос. — 2000. — №3.
9. Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. — М., 1995.
10. Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. P.; Boivin, 1951.
11. L'image de l'étranger / éd. A. Stroeve. P., 2010.
12. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. VIII: Russie. T. I. Des origines jusqu'à 1748. P., 1890.
13. Rambaud A. La France et la Russie. Les origines de la diplomatie russe // La Revue politique et littéraire. Revue bleue. T. XLV. №15. 12 avril 1890.
14. Paris L. La chronique de Nestor. T. I. P., 1834.
15. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Францией. 1681–1717 гг. // Сборник Императорского Русского исторического общества. — Т. 34. — СПб., 1881.
16. Рогожин Н.М. Посольский приказ. Колыбель Российской дипломатии. — М., 2003.
17. Малиновский А.Ф. Бытность в городе Бордо российского посланника дворянина Ивана Гавриловича Кондырева и подьячего Михайлы Неверова, у французского короля Лудовика XIII, в 1613 году // Отечественные записки. — 1826. — №28.
18. Первое посольство России во Франции / подготовка публикации Т.А. Лаптевой // Исторический архив. — 1996. — №1.
19. Древняя российская вивлиофика. — Изд-е 2-е. — Ч. IV. — СПб., 1788.

20. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки: Репринт. воспр. издания 1954 г. — СПб., 2008.
21. Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. — М., 1892.
22. Иконников В.С. Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.): Исторический очерк. — Киев, 1893.
23. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). — Ч. IV (Пруссия, Франция и Швеция; Указатель). — М., 1902.
24. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций России с иностранными державами. — Т. XIII: Трактаты с Францией. — СПб., 1902.
25. Naumant É. La culture française en Russie (1700–1900). P., 1913.
26. Грюнвальд К. Франко-русские союзы. — М., 1968.
27. Jensen C.R., Powell J.S. 'A Mess of Russians left us but of late': Diplomatic Blunder, Literary Satire, and the Muscovite Ambassador's 1668 Visit to Paris Theatres // Theatre Research International. Vol. 24. №2. Summer 1999.
28. Seydoux M. Les ambassades russes à la cour de Louis XIV // Cahiers du monde russe et soviétique. Année 1968. Vol. 9. №2.
29. Архимандрит Августин (Никитин). Франция и Россия от Людовика XIII до Петра I // Нева. — 2010. — № 10.
30. Володина Т.В. Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка» П.И. Потемкина и «Журнала» Като) // Вестн. Новгород. гос. ун-та. — 2003. — №24.
31. Третьякова М.В. «Такой чищенной грамоты нам не имывать», или К вопросу о посольстве стольника П.И. Потемкина и дьяка С. Румянцева во Францию в 1667–1668 годах // Вестник ТвГУ. — Сер. История. — 2013. — Вып. I.
32. Записка старшего чиновника французского министерства иностранных дел Ле Драна, составленная в 1726 году, о переговорах, для заключения союза между Францией и Россией, с 1613 по 1718 год // Сборник Императорского Русского исторического общества. — Т. 34. — СПб., 1881.
33. Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. — М., 1991.
34. Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1399–1450. Mons, 1840.
35. Путешествия Гильбера де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах / пер. и комм. В. Емельянова // Киевские университетские известия. — 1873. — №8. — Отд. 2.
36. Великая Русь рыцаря де Ланноа / пер. О. Кудрявцева // Родина. — 2003. — № 12.
37. Мунд С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах Voyages et ambassades рыцаря Гильбера де Ланноа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2002. — № 7.
38. Маржерет Ж. Состояние Российской империи // Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. А. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. — М., 2007.
39. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. с фр. Н. Любимова. — М., 1961.
40. Mansuy A. Le Monde slave et les classiques français aux XVI–XVII siècles. P., 1912.
41. Bodin J. Les six livres de la République. Lyon, 1576.
42. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. — М., 2003.
43. Доннерт Э. Сказания иностранцев о России XVI в. // Восточная Европа в древности и средневековье: сб. ст. — М., 1978.
44. Монтень М. Опыты: в 3 кн. — Кн. 1 и 2 / отв. ред. Ю.Б. Виппер. — 2-е изд. — М., 1979.
45. Montaigne M. de. Les essais. Livre I. Traduction en français moderne par G. de Pernon d'après le texte de l'édition de 1595. URL: http://www.ebooksgratuits.com/pdf/montaigne_essais_traduction_1.pdf
46. Histoire universelle de Jacques Auguste de Thou, depuis 1543 jusqu'en 1607, traduite sur l'édition latine de Londres. T. III. 1556–1560. L., 1734.
47. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. — М., 1922.
48. Труды и летописи Общества истории и древностей российских. 1833. — Ч. VI: Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России. — М., 1833.
49. Poirson A. Histoire du règne de Henri IV. T. IV. P., 1862.
50. Mémoires de Maximilien de Béthune, duc de Sully, principal ministre de Henri le Grand. Nouvelle édition, revue et corrigée. T. VIII. L., 1767.
51. Чубарьян А.О. Российский европеизм. — М., 2005.
52. Черникова Т.В. Европеизация в России во второй половине XV–XVII веках. — М., 2012.
53. Кузнецов Б. За наукой в чужеземные края. Первые русские студенты за границей // Родина. — 2000. — № 10.
54. Люблинская А.Д. Франция в начале XVII в. 1610–1620 гг. — Л., 1959.